НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ А. П. КЕРН (ЗАПИСЬ П. В. АННЕНКОВА)

(ПУБЛИКАЦИЯ С. В. БЕРЕЗКИНОЙ)

Воспоминания о Пушкине Анны Петровны Керн, урожд. Полторацкой, во втором браке Марковой-Виноградской, хорошо известны пушкинистам: это «Воспоминания о Пушкине», «Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке», «Дельвиг и Пушкин», письмо к П. В. Анненкову о кончине П. А. Осиповой (все 1859 года), которые давно уже вошли во все сборники мемуаров о поэте, и в частности в последний из них, выдержавший (с 1974 года) три издания.[1] Своего рода дополнением к нему служит издание мемуарно-эпистолярного наследия Керн (Марковой-Виноградской).[2] И тем не менее это не все. В пушкинском фонде ИРЛИ хранится листок,[3] о котором знали многие пушкинисты, передавая друг другу некоторые подробности из того, что в нем написано, но который никто так и не решился напечатать. Появился этот листок уже после 1859 года, когда А. П. Керн, побуждаемая П. В. Анненковым, первым биографом поэта, писала все свои воспоминания о Пушкине. Мы датируем запись ее рассказа «О михайловской жизни» второй половиной 1860-х—началом 1870-х годов. Анненков использовал эту запись, конечно же в сглаженной форме, в своей книге «Пушкин в Александровскую эпоху», появившейся в 1874 году. Это говорит о том, что он с полным доверием отнесся к сообщению Керн об отношениях Пушкина с обитательницами Тригорского. Сразу же напомним, что Керн приходилась родной племянницей хозяйке этого имения П. А. Осиповой, урожд. Полторацкой.

Листок, публикацию которого мы предлагаем в настоящей заметке, записан рукой Анненкова. Первой с ним познакомилась Т. Г. Цявловская, отметившая в своем дневнике 27 мая 1931 года (к этому времени листок был привезен из Ульяновска в Москву для помещения в архиве): «Запись Анненкова со слов Керн о Пушкине подтверждает сведения о внимании Пушкина ко *всем* женщинам и девушкам Тригорского. Посвящение „Подражаний Корану" Осиповой объясняются галантностью любовника. Рассказ с чаем и Анной Николаевной Вульф поражает

---

[1] См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост., подг. текста и комм. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985. С. 404—445. (Сер. лит. мемуаров); 3-е изд. М., 1998.

[2] *Керн (Маркова-Виноградская) А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка / Сост., вступ. статья и прим. А. М. Гордина. М., 1989.

[3] ПД. Ф. 244. Оп. 17. № 117.

цинизмом».[4] Подробности жизни в Тригорском всплывали в разного рода разговорах пушкинистов, в частности в связи с баней, где, по преданию, ночевал Пушкин. «Баня, — писал в своем дневнике Л. П. Гроссман, — почему здесь ночевал Пушкин; справка Цявловского о Вульфовых гаремах («волновался»)»[5] — здесь имеется в виду беспокойство А. Н. Вульфа, сына П. А. Осиповой, по поводу своих сестер (среди них сводная сестра А. И. Осипова (Беклешова), которая была его возлюбленной) и матери. О подобном положении свидетельствовали и слова о Пушкине Е. Н. Вревской (Вульф) в позднейшей передаче: «Мать боялась, чтобы в доме ночевал чужой мужчина. Ну и посылала его в баню, иногда с братом Алексеем Николаевичем (Вульфом). Так и знали все».[6] Вероятнее всего, это неукоснительно соблюдалось, когда в тригорском доме жил А. Н. Вульф. Листок «О михайловской жизни» ценен еще и тем, что показывает, как редактировались воспоминания о Пушкине самой мемуаристкой; ее поездка с Пушкиным в карете на квартиру Дельвигов в сравнении с тем, что попало в печать, — красноречивое свидетельство такого рода.

В подготовке публикации существенную помощь оказали П. Р. Заборов (прочтение и перевод французских фраз) и А. Ю. Балакин.

ОТ КЕРН (АННЫ ПЕТРОВНЫ) О МИХАЙЛОВСКОЙ ЖИЗНИ

1) Пушкин, когда ночевал в ⟨Тригорском⟩,[1] то занимал комнату подле спальни Пр⟨асковьи⟩ Алекс⟨андровны⟩ Осиповой, да и хвастался перед Анной Ник⟨олаевной⟩, ее дочерью, что из матери всё может сделать.[2]

2) Анна Никол⟨аевна⟩ была в него влюблена, а он с ней дурачился и развращал ее: раз за чаем Керн нашла, что он хохочет, повторяя «une douce langueur»,[3] — а сидевшая рядом Анна Никола⟨евна⟩ была вся красная. Фраза ей принадлежала, Анна, между прочим, была колкая спорщица.[4]

3) Евпраксия Ник⟨олаевна⟩ (Вревская) тоже была влюблена в него,[5] после ⟨?⟩ и Анна Ивановна Вульф (Netty),[6] но к ⟨Евпраксии⟩[7] он сам чувствовал симпатию, ибо Евпр⟨аксия⟩ была более кокетка, а Netty казалась наивной.

Потом сестра ее Алекс⟨андра⟩ Ивановна[8] уже в 1827—1828 была им опять развращена — эта отдавалась так, что хочешь делай.

4) Когда Керн увезла Прасковья ⟨Александровна⟩[9] в Ригу к мужу, то получила письмо на ее имя от Пушкина,[10] отдала его от ревности мужу, и вышла сцена. Она разволнова⟨ла⟩сь ⟨?⟩,[11] Анну Петровну Керн отослала в Петербург,[12] где она поселилась у ⟨*нрзб*⟩ (?),[13] была принята в дом к Пушкиным, где опять сошлась с Александром Пу⟨шкиным⟩.

Когда Павлищев увез Ольгу Сер⟨геевну⟩, то бракосочетание происходило в доме Дельвига,[14] уехавшего с женой в Харьков из ревности: он приревновал ее к Алексею Вульфу сильно. Посаженными у них были Керн и Пушкин. Отец и мать не хотели участвовать в церемонии, а дали образ Керн и отправили ее с Алекс⟨андром Сергеевичем⟩ в дом Дельвига. Было 30 гр⟨адусов⟩ мороза. Пушкин сказал: «Dites-moi cela — nous avons une moment pour réuissir ⟨?⟩»,[15] — и когда та не хотела, то возразил: «Il est vrai qu'il fait 30 degrés et que ce n'est pas le temps des amours».[16]

5) Пушкин говорил про жену перед катастрофой: «Décidémant il faut engrosser ma femme pour l'envoyer à la campagne».[17] Раз, когда она кокетничала счастливо,

[4] *Цявловский М. А., Цявловская Т. Г.* Вокруг Пушкина / Изд. подг. К. П. Богаевская, С. И. Панов. М., 2000. С. 94—95; см. также запись от 4 апреля 1931 года: С. 90.

[5] Там же. С. 287.

[6] *Гроссман Л. П.* Вокруг Пушкина. М., 1928. С. 13—14. (Б-ка «Огонек»).

он стал за ней, раздвинул руки около ее стана и сказал: «Это ее последняя штучка — увезу в деревню».[18]

[1] В автографе ошибочно: в Мих⟨айловском⟩.

[2] Анненков процитировал рассказ Керн, когда писал об отношении Прасковьи Александровны Осиповой (1781—1859) к поэту: «Пушкин имел на нее почти безграничное влияние» (*Анненков П. В.* А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 277—278). Одно из посвященных ей Пушкиным стихотворений — «Цветы последние милей...» (1825), которые Л. М. Аринштейн сближает со стихотворением «Виноград» (1824), считая, что это «два типологически близких стихотворения, намекающих на любовное чувство к немолодой женщине» (*Аринштейн Л. М.* Пушкин: Непричесанная биография. М., 1998. С. 80). В письме Керн к Анненкову 1859 года передан выразительный портрет Осиповой: «...рост ниже среднего гораздо ⟨...⟩ стан выточенный, кругленький, очень приятный; лицо продолговатое, довольно умное ⟨...⟩ нос прекрасной формы; волосы каштановые, мягкие, тонкие, шелковые; глаза добрые, карие, но не блестящие; рот ее только не нравился никому ⟨...⟩ нижняя губа так выдавалась, что это ее портило. Я полагаю, что она была бы просто маленькая красавица, если бы не этот рот» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 443). Об отношениях Прасковьи Александровны с Пушкиным в ее семье хорошо знали. Анна Николаевна Вульф в письме к нему из тверских Малинников от конца февраля — 8 марта 1826 года писала о матери: «Я в самом деле думаю, как и Анета Керн, что она хочет одна завладеть вами и оставляет меня здесь из ревности» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 268; подл. по-фр.). Интонация особой нежности проскальзывает в письмах Осиповой к Пушкину (см. об этом: Письма женщин к Пушкину / Ред. Л. П. Гроссмана. М., 1928. С. 56—57) — например: «...целую ваши прекрасные глаза, которые я так люблю...» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 349); «Я перечитываю их [письма] иногда с таким же удовольствием, какое испытывает скряга, пересчитывая накопленные им горы золота» (Там же. Т. 15. С. 65). Осипова, перед смертью приказавшая уничтожить письма к ней всех своих родных и близких, сохранила лишь письма Пушкина.

[3] нежная истома (*фр.*).

[4] Высказывание Керн об Анне Николаевне Вульф, старшей дочери П. А. Осиповой от первого брака, было использовано Анненковым: «Анна Вульф ⟨...⟩ отличалась быстротой и находчивостью своих ответов» (*Анненков П. В.* А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. С. 279). В записках А. В. Маркова-Виноградского (второго мужа Керн) сообщалось, со слов его жены, что с Анной Вульф Пушкин «осмеливался *вольничать*» и «написал даже стихи весьма неприличные» (*Михайлова А. К., Хитрово Л. К.* А. П. и А. В. Марковы-Виноградские и их окружение: По страницам «Записок» А. В. Маркова-Виноградского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 23). Здесь имеется в виду стихотворение «Увы, напрасно деве гордой...», которое вполне можно отнести к числу «злых шуток» Пушкина, отпускавшихся им, по собственному признанию в письме его к Анне Вульф от 21 июля 1825 года, в ее адрес. Анненков писал, что на долю Вульф «пришлись суровые уроки, часто злое, отталкивающее слово, которое только изредка выкупалось счастливыми минутами и доверия и признательности» (*Анненков П. В.* А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. С. 279—281). Поведение сестры смущало Алексея Вульфа, сомневавшегося в возможности для нее хорошей партии: по его мнению, сестра Анна не умела себя вести (*Вульф А. Н.* Любовные похождения и военные походы: Дневник 1827—1842 / Сост. Е. Н. Строгановой, М. В. Строганова. Тверь, 1999. С. 111).

[5] Евпраксии Николаевне Вульф, в замужестве (с 1831 года) баронессе Вревской (1809—1883), младшей дочери П. А. Осиповой от первого брака, посвящены стихотворения Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» (1825), «Вот, Зина, вам совет: играйте...» (1826) и строфа XXXII главы пятой «Евгения Онегина». По словам М. И. Осиповой, из ее сестер в 1824—1826 годах «особенно хороша была Евпраксия» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 457). В письме от 29 сентября 1837 года Вревская признавалась А. Н. Вульфу, что она была увлечена Пушкиным, так же как и ее сестры Анна Вульф и Александра Осипова-Беклешова: «Наш приятель умел занять чувства у трех сестер, что гораздо мудренее...» (*Гофман М. Л.* Из Вревского архива // Пушкин и его современники. СПб., 1915. Вып. 21—22. С. 413). Вульф заметил это еще в 1828 году, когда наблюдал за сестрой, находясь в Тверской губернии одновременно с Пушкиным (см.: *Вульф А. Н.* Любовные похождения и военные походы. С. 66—67); намеки на увлечение Е. Н. Вульф Пушкиным в 1828—1829 годах содержатся и в воспоминаниях Е. Е. Синицыной (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 94). Имя Евпраксии упомянуто в «Дон-Жуанском списке» поэта; обращаясь к ней в «Евгении Онегине», Пушкин писал: «Зизи, кристалл души моей, / Предмет стихов моих невинных, / Любви приманчивый фиал, / Ты, от кого я пьян бывал!» Увлечение сестрой косвенно подтвердила А. Н. Вульф в письме к Н. Н. Пушкиной от 28 июня 1831 года, говоря о ревности к ней со стороны жены поэта (см.: *Лернер Н. О.* Из истории сердечной жизни Пушкина: (Неизданное письмо А. Н. Вульф к Н. Н. Пушкиной) // Звенья. М., 1935. Вып. 5. С. 163). В 1830-х годах Пушкин поддерживал дружеские отношения с бар. Б. А. Вревским и его женой, бывал в их имении Голубово. Во второй половине января 1837 года Вревская встречалась с Пушкиным в

Петербурге, и он рассказывал ей о предстоящей дуэли. После дуэли поэт рассчитывал, что, будучи высланным из Петербурга, он поедет в Псковскую губернию вместе с Вревской.

[6] Анна Ивановна Вульф (1799—1835), в замужестве Трувеллер, племянница П. А. Осиповой. Отношения поэта с Netty носили характер легкого флирта (см. его письмо к брату от 14 марта 1825 года, отразившее яркое, но не лишенное иронии впечатление от знакомства с ней). В письме от 16 октября 1829 года Пушкин писал Вульфу о «нежной, томной, истерической, *потолстевшей Netty*»: «Вот уже третий день как я в нее влюблен» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 50).

[7] Далее начато и не вычеркнуто: был.

[8] Александра Ивановна Беклешова (1808—1864), урожд. Осипова, падчерица П. А. Осиповой, адресат (Алина) стихотворного «Признания» (1824) Пушкина. Ее имя упомянуто в «Дон-Жуанском списке». Есть основания предполагать, что в Тригорском Беклешова была первым по времени предметом увлечения поэта. На рубеже 1824—1825 годов Пушкиным было написано стихотворение «Твое соседство нам опасно...», в первоначальной своей редакции связанное с шестнадцатилетней Алиной. Эпизод с ее «развращением», о котором говорит в своих воспоминаниях Керн, относится, по-видимому, к приезду Пушкина в тверское имение П. А. Осиповой Малинники в конце 1828 года. Анна Н. Вульф назвала в 1836 году Пушкина «звездой добра и зла Беклешовой» (*Гофман М. Л.* Из Вревского архива. С. 337; подл. по-фр.). Примечательно, что именно ей Пушкин адресовал в 1835 году из Тригорского единственное свое любовное письмо из написанных им после женитьбы: «Мой ангел, как мне жаль, что я Вас уже не застал и как обрадовала меня Евпраксия Николаевна, сказав, что Вы опять собираетесь приехать в наши края! Приезжайте, ради Бога ⟨...⟩ У меня для вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу к Вам, а наискось от меня сидите Вы сами во образе Марии Ивановны. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время ⟨...⟩ и прочая...» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 48; в письме упоминается Мария Ивановна Осипова, сестра А. И. Беклешовой по отцу). И перефразировкой в письме одной из строк «Признания», и цитатой из него, и самим упоминанием «признаний» Алине Пушкин подчеркивал значимость для него связанных с ней воспоминаний. Вероятнее всего, именно Беклешова предложила «Библиотеке для чтения» в 1837 году текст «Признания» с подзаголовком, открывавшим ее имя.

[9] В рукописи ошибочно: Осиповна.

[10] Имеется в виду первое (после отъезда Керн из Тригорского) из писем Пушкина к ней от 25 июля 1825 года, которое было вложено в конверт с его письмом к Осиповой (от того же числа). Ревность к мужу Керн выражена Пушкиным в письме от 13—14 августа 1825 года.

[11] В июле 1825 года Осипова отправилась с Анной Петровной из Тригорского в Ригу с целью примирить ее с мужем, генерал-майором Е. Ф. Керном. К моменту приезда Анны Петровны в Тригорское она была с ним уже в разъезде, и это была ее первая попытка «развода» (официального так и не состоялось). Встреча в Риге увенчалась некоторым успехом, но привела к ссоре Анны Петровны с Прасковьей Александровной. Для примирения с ней Керн приезжала в Тригорское в октябре 1825 года.

[12] Речь идет о втором, и уже окончательном, разъезде супругов Керн в 1826 году, но роль в нем Осиповой, вероятнее всего, искажена в записи Анненкова.

[13] Так в автографе: (?)

[14] Венчание Ольги Сергеевны Пушкиной и Николая Ивановича Павлищева было тайным; состоялось оно 28 января 1828 года. Родители были оповещены об этом через несколько дней, и для новобрачных была срочно приготовлена квартира Дельвигов. Там их встретили и благословили посажённые мать и отец — Керн и Пушкин (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 424—425, 529).

[15] Скажите мне — у нас есть минутка, чтобы достигнуть цели (*фр.*).

[16] Правда, сейчас 30 градусов, и это время не подходит для любовных утех (*фр.*). Ср. в опубликованных «Воспоминаниях о Пушкине, Дельвиге и Глинке» Керн: «Был январь месяц, мороз трещал страшный, Пушкин, всегда задумчивый и грустный в торжественных случаях, не прерывал молчания. Но вдруг, стараясь показаться веселым, вздумал заметить, что еще никогда не видал меня одну: „Voilà pourtant la première fois, que nous sommes seuls, madame ⟨А ведь мы с вами в первый раз вдвоем, сударыня, *фр.*⟩" Мне показалось, что эта фраза была внушена желанием скрыть свои размышления по случаю важного события в жизни нежно любимой им сестры; а потому, без лишних объяснений, я сказала только, что этот необыкновенный случай отмечен сильным морозом. „Vous avez raison, 27 degrés ⟨Вы правы, 27 градусов, *фр.*⟩", — повторил Пушкин, плотнее закутываясь в шубу. Так кончилась эта попытка завязать разговор и быть любезным» (Там же. С. 424).

[17] Право же, нужно обрюхатить мою жену, чтобы отослать ее в деревню (*фр.*).

[18] Ср. в воспоминаниях Керн «Дельвиг и Пушкин» (опубл. 1907) о посещении поэто заболевшей матери в 1836 году: «Наталия Николаевна сидела в креслах у постели больной и рассказывала о светских удовольствиях, а Пушкин, стоя за ее креслом, разводя руками, сказал шутя: „Это последние штуки Натальи Николаевны: посылаю ее в деревню"» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 434).